

Аналитическое задание (70 баллов)

Вариант 1

КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ПРОЗАИЧЕСКОГО ТЕКСТА (70 баллов)

Выполните целостный анализ рассказа Юрия Буйды «О реках, деревьях и звездах», приняв во внимание следующие аспекты его художественной организации: смысл заглавия, начальной фразы текста, особенности создания образов, особенности развития сюжета, особенности пейзажа, развитие темы времени, роль бытовых деталей, разговоров героев / невозможности разговоров, роль финала, композиционные особенности текста, мотив понимания/непонимания, позиция автора и средства ее выражения, особенности стилизового оформления, соотношение лирического и бытового.

Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

При оценке успешности выполнения задания учитывается владение основами анализа художественного текста, умение видеть художественное произведение как целостное единство элементов, несущее в себе особый смысл, оценивается композиционная стройность, язык и стиль вашей работы.

О реках, деревьях и звездах

Юрий Буйда

«Неба не видят только свиньи и змеи, — сказал Миша Лютовцев жене наутро после свадьбы. — А мы с тобой должны удержаться в людях».

Тоня испуганно кивнула, соглашаясь с мужем, который вообще-то был человеком нормальным, без отклонений.

Миша работал сушильщиком на бумажной фабрике, жена — медсестрой в фабричной больничке. Жили они в домике возле старого парка, в конце Семерки. При маленькой зарплате жители городка были вынуждены держать скотину, птицу, огород. Не были исключением и Лютовцевы, которые вскоре после свадьбы обзавелись двумя десятками кур, поросенком, коровой третьим отелом, десятком гусей, овцами и кроликами. Вставали и ложились затемно, чтобы управиться с хозяйством: подоить и выгнать в стадо корову, задать поросенку и овцам, нарезать свежей травы для кроликов... Летом надо было запастись сеном для коровы и овец. Когда родился сын, а следом еще один, молоко на сторону продавать перестали, но по-прежнему торговали кроличьим мясом — зверьки плодились без удержу. Тоня научилась выделывать кроличьи шкурки — из них соседка Граммофониха шила шапки и детские шубки, пусть и не очень казистые, зато теплые и дешевые.

Словом, жили Лютовцевы как все — трудно. Мало того, что с утра до вечера невозможно было спины разогнуть, так ведь еще и отпуск подгадывали под сенокос либо под осеннюю уборку.

Но при всем при том один час в день Миша и Тоня выделяли на реки, деревья и звезды.

«Всего час, — предложил Миша еще тогда, после свадьбы. — Шестьдесят минут».

Тоня опрометчиво согласилась, но уже через несколько месяцев пожалела об этом.

Каждый день они выбирались на час в парк, тянувшийся вдоль Преголи. Конечно, прогуляться вечерком после тяжелого дня — дело хорошее, — ну а если дома хозяйство и нужно к утру сварить кормежку поросенку, а если дома дети малые плачут, а если за день так наломаешься, что у телевизора можешь только лежать? «Сегодня-то могли бы и отложить, — как-то запротестовала Тоня, — у меня мозоль аж горит...» Но Миша так посмотрел на нее, что ей не оставалось ничего другого, как сунуть распухшие ноги в галоши и взять мужа под руку.

Они медленно шли через заброшенный парк, под высокими старыми деревьями. Полузаросшая дорожка выводила их на берег реки. Темнело. Загорались звезды. Через час Лютовцевы возвращались домой.

Миша решительно пресекал попытки жены обсуждать домашние дела во время таких вылазок: «Коли мы только ради всего этого выбрались, то об этом нужно и говорить». То есть о реках, деревьях и звездах. Но вот закавыка: оказываясь лицом к лицу с рекой, деревьями и звездным небом, они терялись, совершенно не находя слов для общего разговора. Ну, в самом деле, что можно сказать о реке? Течет себе в глинистых берегах, весной и осенью разливается, затапливая сенокосы в пойме, зимой тихонько урчит подо льдом. Деревья шумят под ветром, сбрасывают листья, чтобы весной зацвести и осенью пожелтеть. А звезды — о них и вовсе нечего сказать, так они далеки от людей и непонятны. Конечно, бывает, что тихим и теплым осенним вечером, когда выйдешь на высокий берег и вдохнешь всей грудью пахнувший терпким листом воздух, и окинешь взором петляющую среди ивняков Преголю, и увидишь тлеющую пряжу Млечного Пути, и ощутишь вдруг на какой-то миг страстную и не вмещающуюся в одну душу любовь невесть к чему и к кому, — жизнь внезапно будто и сводится к этому единственному мгновению, — но выразить это словами? Какими? Не было таких слов ни у Миши, ни у Тони.

Озадаченный этим обстоятельством, Миша записался в фабричную библиотеку и набрал разных книжек о реках, деревьях и звездах, которые перед сном читал вслух, неодобрительно поглядывая на жену, которая хоть и боялась заснуть, но ничего с собой не могла поделать: сказывалась усталость. Однако мало-помалу они научились говорить об особенностях гидрологии Преголи, о коре и сердцевине деревьев, о величинах звезд и расстоянии до Бетельгейзе. И сведений, почерпнутых в книгах, было так много, что за час Миша и Тоня не успевали обо всем переговорить. Да и слова были все новые, ученые, никак не ложившиеся под язык.

Впрочем, постепенно, с годами, Лютовцевы забросили чтение книг, однажды сообразив, что можно изучить геологию речного русла, проникнуть

в тайну цветения каштана и узнать химический состав голубых звезд-гигантов, но главное, человеческое — по-прежнему останется неуловимым, влекущим и невыразимым: течение, рост, свет и горение — вечность текучая, устрашающе живая и по-человечески изменчивая. Перед нею тысячи книг значат ничуть не больше, чем слово «река», слово «дерево» или слово «звезда», но и эти слова ничего не значат перед рекой, деревом или звездой.

Однако и эти горькие открытия не изменили привычку Миши и Тони каждый день уделять час рекам, деревьям и звездам. Да, наверное, тут все дело именно в привычке, приобретенной за долгие годы. Однажды Тоня призналась, что наверняка почувствует себя не в своей тарелке, если они вечером с Мишей не выйдут в парк.

Соседи беззлобно подшучивали над Лютовцевыми, хотя, впрочем, не считали их чокнутыми: гуляют себе люди — и пусть гуляют.

Мне же кажется, что если Бог все-таки существует и однажды труба архангела созовет мертвых и живых в Иосафатскую долину на Страшный Суд, и Судья спросит, чем оправдана жизнь человеческая, и сушильщик с бумажной фабрики Миша Лютовцев и его жена медсестра Тоня ответят, что каждый день они пытались говорить о реках, деревьях и звездах, — Господь удовлетворится их жизнью, а возможно, даже назовет ее счастливой — невзирая на Тонины мозоли, Мишин гастрит и все неурожайные на картошку годы...

Вариант 2

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (70 баллов)

Выполните целостный анализ стихотворения Давида Самойлова «Перед снегом», приняв во внимание следующие особенности его содержания и формы (поэтики): особенности создания поэтических образов (их антропоморфичность), динамика изменений природного мира, его одухотворенность, персонификация пейзажных деталей, композиция и строфика, идейный пафос, особенности настроения и мировосприятия лирического героя.

При оценке успешности выполнения задания учитывается владение основами анализа поэтического текста (образный ряд, ритмико-синтаксическое и фонетическое своеобразие), глубина восприятия образа лирического героя и умение истолковать его переживания, умение характеризовать поэтическую индивидуальность автора, а также умение выражать свои мысли и чувства.

Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст. Оценивается композиционная стройность, язык и стиль вашего сочинения.

Давид Самойлов

Перед снегом

И начинает уставать вода.

И это означает близость снега.

Вода устала быть ручьями, быть дождем,

По корню подниматься, падать с неба.
Вода устала петь, устала течь,
Сиять, струиться и переливаться.
Ей хочется утратить речь, залечь
И там, где залегла, там оставаться.

Под низким небом, тяжелей свинца,
Усталая вода сияет тускло.
Она устала быть самой собой,
Но предстоит еще утратить чувства,
Но предстоит еще заледенеть
И уж не петь, а, как броня, звенеть.
Ну а куда - в мире тишина.
Торчат кустов безлиственные прутья.
Распутица кончается. Распутья
Подмерзли. Но земля еще черна.
Вот-вот повалит первый снег.

1964

Творческое задание (30 баллов)

Прочитайте стихотворения. Представьте себя редактором поэтического сборника. Придумайте название сборнику и его возможным разделам. Составьте оглавление. Какие ещё стихотворения, по Вашему мнению, должны будут войти в этот сборник? (дополните приведенный перечень текстов 5 произведениями). Каким стихотворением Вы бы открыли сборник? Напишите небольшую вступительную статью (100 – 150 слов) к одному из разделов сборника.

Я выросла

Мне теперь не до игрушек —
Я учусь по букварю,
Соберу свои игрушки
И Сереже подарю.
Деревянную посуду
Я пока дарить не буду.
Заяц нужен мне самой —
Ничего, что он хромой,
А медведь измазан слишком...
Куклу жалко отдавать:
Он отдаст ее мальчишкам
Или бросит под кровать.
Паровоз отдать Сереже?
Он плохой, без колеса...
И потом, мне нужно тоже
Поиграть хоть полчаса!

Мне теперь не до игрушек —
Я учусь по букварю...
Но я, кажется, Сереже
Ничего не подарю.

А. Барто

Юла

Завертелась юла,
Заюлила и пошла
Путешествовать по свету
По натертому паркету,
Но споткнулась на ковре —
И конец игре.

Г. Сапгир

Странный котёнок

Жил Котёнок
Очень странный:
Отвернулся
От сметаны,
Не хотел
Отведать мяса...
Был котёнок
Из пластмассы.

Т. Собакин

Больная игрушка

Два бегемота
Сидят на витрине.
Один ярко-желтый,
Другой темно-синий.
«Какого же выбрать?» —
Гадает девчушка.
Вдруг видит: у синего
Сломано ушко.
Девчушка вздыхает,
«Больной бегемот...
Бедняжку, наверно,
Никто не возьмет.
Так что же ему
Так и жить в магазине?!»
И маме сказала:
«Мне нравится — синий!»

Т. Коваль

Игрушечный зайчик в лесу

Ах, как жутко на лесной лужайке
Бедному игрушечному зайке!
Кружится над зайкой стрекоза
И глядит, глядит во все глаза.
И пчела все уши прожужжала —
У нее ужаснейшее жало.
И жуки рогатые ползут,
Ахнуть не успеешь — загрызут.
Бегают по зайчику мурашки...
Ах, как страшно зайчику — бедняжке!

В. Берестов

Про мячик

В кустах возле запертой на зиму дачи
Лежал беспризорный резиновый мячик.
Дырявый, потёртый, совсем небольшой —
Но с тонкой, ранимой и чуткой душой.
Недавно совсем был он каждому нужен —
Пусть даже на улице холод и лужи.
«Где мячик?!» кричали ребята с утра.
Ему подходила любая игра.
Свой бок малышам подставлял он — не жалко!
С девочками прыгал он через скакалку.
И даже весёлый соседский щенок
Побегать по улицам с мячиком мог.
Когда же ребят собиралось немало
С ним вместе играть, хохоча, в вышибалы,
Себя представлял он Футбольным Мячом!
Часы тренировок ему нипочём!
Теперь же под слоем строительной пыли
Лежит у забора. Его здесь забыли.
И снятся ему разноцветные сны.
И ждёт—не дожётся он новой весны.
Как прежде, над полем в мечтах он летает!
А дырочку кто-нибудь уж залатает...

Е. Албу